

Санкт-Петербургский государственный университет

М. Б. Попов

**ТРАДИЦИОННЫЕ
ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ В РУСИСТИКЕ**

Учебно-методическое пособие

Издательство С.-Петербургского университета
1999

Санкт-Петербургский государственный университет

М. Б. Попов

**ТРАДИЦИОННЫЕ
ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ В РУСИСТИКЕ**

Учебно-методическое пособие

Издательство С.-Петербургского университета
1999

ББК 81.2Рус-923
П58

Рецензенты:
проф. В.В.Колесов (С.-Петербур. гос. ун-т),
доц. Е.А.Лехно (С.-Петербур. гос. ун-т)

Попов М. Б.

П58 Традиционные фонологические направления в русистике:
Учебно-методическое пособие. — СПб.: Изд-во Санкт-
Петербургского ун-та, 1999. — 24 с.

В пособии сжато и в сравнительном освещении рассматриваются основные положения фонологических школ, занимающих ведущие позиции в русском языкознании — Щербовской, Пражской и Московской.

Пособие рассчитано на студентов-первокурсников русского отделения, изучающих курс «Современный русский язык. Фонетика».

ББК 81.2Рус-923

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Учебное издание
Михаил Борисович Попов
**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В РУСИСТИКЕ**

Учебно-методическое пособие

Зав. редакцией *Г. Чередниченко*

Редактор *Н. Михайлова*

Технический редактор *Е. Миллер*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 13.05.99

Ф-т 60 × 84/16. Усл. печ. л. 1,63.

Уч.-изд. л. 1,24. Тираж 100 экз. Заказ № 208

РОПИ Издательства С.-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

© М. Б. Попов, 1999
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к рассмотрению звукового строя конкретного языка на базе какой-либо фонологической концепции, фонолог должен четко представлять себе, что ему известно еще до начала исследования. Во-первых, фонолог должен владеть этим языком, т. е. должен знать значения слов, их грамматическую структуру и т. п. Во-вторых, представитель любого фонологического направления исходит из того, что речевой поток дискретен, т. е. членится на такие звуковые отрезки, которые являются реализациями неких функциональных единиц (в языках фонемного типа — фонем). Таким образом, исследователь звукового строя должен обладать знанием носителя языка и знанием лингвиста.

Главной задачей, которая стоит перед фонологом при изучении конкретного языка, является установление, во-первых, состава фонем данного языка, т. е. парадигмы фонем, во-вторых, состава фонем любой правильной фразы на данном языке, т. е. синтагмы фонем. Необходимость и неизбежность ориентироваться в той или иной степени на сознание носителя языка направляет фоколога и приводит к тому, что различные фонологические концепции и школы имеют между собой больше сходств, чем различий. Тем не менее расхождения между ними часто начинаются с самых основ, в частности, уже при определении очередности решения двух указанных задач исследования, а именно: что устанавливается раньше — состав фонем языка или состав фонем конкретной фразы.

В русском языкознании господствуют три фонологические направления, каждое из которых так или иначе восходит к идеям Бодуэна де Куртенэ:

- Щербовская фонологическая школа (она же — Петербургская, или Ленинградская);
- Московская фонологическая школа (МФШ);
- Пражская фонологическая школа (ПФШ).

Традиционно представители этих школ в разной степени включали в поле своего зрения те или иные аспекты изучения звукового строя. Например, в ПФШ наиболее подробно разрабатывались проблемы нейтрализации фонологических оппозиций и теория дифференциальных признаков фонем; сторонники МФШ всегда делали акцент на изучении связей фонемы с морфемой; последователи Л. В. Щербы ставили во главу угла экспериментальное исследование сознания носителей языка. Однако есть такие ключевые проблемы фонологиче-

ской теории, которые не могут быть обойдены ни в одной фонологической школе. И именно эти собственно фонологические проблемы — даже если их трактовка прямым образом не выражена в работах представителей того или иного направления — могут быть положены в основу сравнения различных фонологических концепций. Какие же это проблемы?

Всякая фонологическая теория, чтобы «оправдать» свое существование, должна обосновать решение, как уже отмечено выше, по крайней мере двух задач. Первая задача — собственно исследовательская — это установление состава фонем какого-либо языка. Вторая — ее иногда называют «аналитической» — установление фонемного состава любого высказывания на этом языке, другими словами, фонематической транскрипции. Представляется логичным, что к решению второй задачи — установлению фонематической транскрипции — можно приступить только тогда, когда решена первая, т. е. определен состав фонем данного языка. Итак, следует исходить из того, что решение первой из указанных задач логически предшествует решению второй. Разумеется, фонологическая теория не ограничивается установлением состава фонем языка и высказывания, а раскрывает связи между фонемами, т. е. моделирует систему фонем. К понятийному аппарату фонологии относятся также такие понятия, как позиция, оппозиция, дифференциальный признак, нейтрализация, функциональная нагрузка, аллофон и другие. Но все явления моделируются уже после того, как решена задача установления состава фонем. В отличие от многих понятий фонологической теории, в том числе и только что перечисленных, фонема — это не только и не столько понятие, сколько объективно существующая (но не физическая, а функциональная) реальность.

I. УСТАНОВЛЕНИЕ СОСТАВА ФОНЕМ ЯЗЫКА

Установление состава (репертуара) фонем предполагает выполнение двух операций фонологического анализа. На первом этапе необходимо произвести так называемую фонемную сегментацию речевого потока, т. е. выделить минимальные звуковые отрезки (сегменты), на которые членится речевой поток. Другими словами, на этом этапе определяется количественный состав фонем в каждой данной фразе, т. е. фактически устанавливаются границы между фонемами. Эту фонологическую процедуру иногда называют синтагматиче-

ской идентификацией (отождествлением) фонем. На следующем этапе исследования вычлененные в результате сегментации отрезки (в разных фонологических школах используются разные термины — оттенки, аллофоны, варианты и вариации, т. е. представители фонем в речи отождествляются друг с другом, причем выясняется, какие из сравниваемых сегментов являются реализациями одной фонемы, а какие реализациями разных фонем. Данную фонологическую процедуру соответственно называют парадигматической идентификацией фонем. В результате этой операции фонолог получает состав фонем данного языка.

Таким образом, обосновывая установление состава фонем языка, любая фонологическая концепция должна ответить на вопрос о том, какие принципы лежат в основе сегментации речевого потока на фонемы и как устанавливается принадлежность разных звуков одной фонеме. Перечисленные фонологические направления отвечают на эти вопросы по-разному.

Щербовская фонологическая школа

Исходной посылкой в щербовской фонологии является положение о том, что основной, первичной функцией фонемы является конститутивная, суть которой состоит в том, что фонемы выступают в качестве строительного материала для образования звуковых оболочек (плана выражения) единиц более высоких уровней языковой структуры — слов и морфем. Различительная же функция, заключающаяся в том, что фонемы различают звуковые оболочки слов и морфем, является вторичной и рассматривается как следствие конститутивной функции фонемы.

В соответствии с этим фундаментальным положением щербовская фонология выдвигает следующий общий принцип сегментации речевого потока: членение на фонемы является функцией членения на морфемы. Следовательно, для того чтобы осуществить синтагматическую идентификацию фонемы, необходимо располагать информацией о морфемных границах. Соответственно, если звуковая последовательность разделяется морфемной границей, она тем самым разделяется и фонемной границей, т. е. членится на две фонемы, причем аналогичная звуковая последовательность не на границе морфем также членится на две фонемы согласно принципу аналогии. Это означает, что если внутри какого-либо звукового комплекса в данном языке может проходить одна морфемная граница, то этот звуковой комплекс —

бифонемное сочетание. Например, звуковой отрезок [ka] в слове *рука* разбивается морфемной границей, а значит, разделяется и границей фонемной; аналогичный звуковой отрезок [ka] в слове *карта*, хотя и не разбивается морфемной границей, также представляет собой реализацию двух фонем, поскольку данная звуковая последовательность может разделяться морфемной границей. Принцип аналогии, применяемый в подобных случаях, вытекает из другого фундаментального положения школы: фонетическое различие — необходимое условие различия фонологического, т. е. одинаковые звуковые комплексы должны быть интерпретированы одинаково и фонематически. Таким образом, при синтагматической идентификации фонем Щербовская фонологическая школа опирается на критерий морфемных границ.

Щербовская школа опирается на морфемный критерий и при парадигматической идентификации фонем: два оттенка (аллофона) являются реализациями одной фонемы, если они чередуются в одной морфеме и находятся при этом в состоянии дополнительной дистрибуции. Например, в исходе словоформы *кот* имеется оттенок [t̚] (конечнослоговой), артикуляторно и акустически весьма сильно отличающийся от оттенка [t] в словоформе *кота*, а также от оттенка [t^o] (лабиализованное) в слове *коту*, но тем не менее все три являются реализациями одной фонемы /t/, поскольку чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительной дистрибуции, то есть не противопоставлены друг другу в одинаковых фонетических условиях. Те же самые звуки, представленные, например, в словоформах *тур*, *там*, но не вступающие в чередования, также являются реализациями фонемы /t/ в соответствии с уже отмеченным принципом аналогии. Оттенки [tʰ] в словоформе *сеть* и [tʰ] в *сетей*, *сетям* чередуются в одной морфеме и обусловлены при этом позиционно, следовательно, объединяются в одну фонему /tʰ/.

Противоречие, с которым сталкивается подобный подход, заключается в том, что два [tʰ] в словоформах *сетей* и *о коте* совпадают фонетически, но входят в разные ряды чередований: ср. [tʰ] // [tʰ] // [t̚] и [tʰ] // [t] // [t̚], т. е. могут быть отождествлены и с оттенками [tʰ], [t̚] в словах *сетям*, *сеть* и с оттенками [t], [t̚] в словах *кота*, *кот*. А один и тот же оттенок, по концепции Щербовской фонологической школы, не может принадлежать разным фонемам. Следовательно, необходимо решить, с каким же из двух звуков — [tʰ] или [t̚] — фонематически отождествляется [tʰ]. Обычно представители Щербовской школы

обосновывают свое решение тем, что, поскольку признак твердости–мягкости является в русском языке фонемным, [t'] отождествляется с [t̚], а не с [t̚]. Однако на данном этапе фонологического анализа еще не известно, какой признак является фонемным, а какой аллофонным, так как «фонемность» признака нельзя определить до установления состава фонем. Пока щербовская фонология не нашла теоретического решения данного противоречия.

Пражская фонологическая школа

Отправной точкой концепции ПФШ является положение о том, что основная функция фонемы — различительная. Из этого положения вытекает и принцип сегментации речевого потока, выдвинутый представителями этой школы, а именно, принцип ассоциативного анализа. Суть его заключается в том, что исследователь, сравнивая звуковые оболочки слов и морфем, устанавливает участки сходства и различия, в результате анализа доходя до вычленения минимальных, далее не делимых фонологических сегментов. Например, для того чтобы определить, на какие минимальные фонологические единицы делится звуковая последовательность [dóm], необходимо сравнить ее — «ассоциировать» — со звуковыми последовательностями [tóm], [sóm] и [dók], [dón]: сравнивая [dóm] и [tóm], устанавливаем членимость отрезка [d-ó]; сравнивая [dóm] и [dón], устанавливаем членимость отрезка [ó-m]. Установить путем сравнения дальнейшую членимость отрезков [d], [ó], [m] невозможно, следовательно, эти отрезки являются минимальными фонологическими сегментами — аллофонами, каждый из которых представляет одну фонему, т. е. данная последовательность представляет собой сочетание трех фонем.

Следует подчеркнуть, что сегментация на основе ассоциативного анализа может лишь проиллюстрировать уже известное членение речевого потока. Этот метод афункционален, так как не опирается на связь фонологического уровня с более высокими уровнями языковой структуры. При ассоциативном анализе звуковые отрезки сравниваются без какой-либо опоры на смысл. Мы можем сравнить звуковые последовательности [dom] и [tom] только в том случае, если мы уже знаем, на какие отрезки они членятся: только предварительно установив, что [d] и [t] являются минимальными фонологическими сегментами, можно сравнивать звуковые последовательности [dom] и [tom] и говорить об оппозиции [d] — [t]. Итак, ассоциативный анализ не может

быть эффективным средством синтагматического отождествления фонем. Дополняют ассоциативный анализ и даже в какой-то степени предшествуют ему установленные в ПФШ фонетические условия однофонемной и многофонемной трактовки звукосочетания: например, «потенциально однофонемными» признаются такие звуковые отрезки, которые (1) не пересекаются слоговой границей, (2) образуются единым артикуляторным движением, (3) имеют длительность, не превышающую обычную длительность одного звука. Как видим, практические правила определения однофонемности и многофонемности не основаны в ПФШ на функциональном подходе.

Теперь рассмотрим принципы парадигматической идентификации фонем в концепции ПФШ. Если отбросить некоторые детали, правила объединения аллофонов в фонему можно сформулировать следующим образом (правила Н. С. Трубецкого):

1) два звука являются аллофонами одной фонемы, если они акустически или артикуляторно близки друг другу и находятся в дополнительной дистрибуции;

2) два звука являются аллофонами разных фонем, если они находятся в контрастной дистрибуции, т. е. возможны в одной и той же фонетической позиции, и при этом замена одного из них другим вызывает изменение значения слова или сильно деформирует его облик.

Например, звуки [ˈá] и [ˈó] встречаются только в позиции между мягкими согласными, в то время как звуки [á] и [ó] возможны только в позиции между твердыми согласными, т. е. имеет место дополнительная дистрибуция. Поскольку звуки [ˈá] и [ˈó] встречаются в одной позиции и замена одного из них другим изменяет смысл слова (ср. *тятя* — *тётя*) или сильно деформирует его (ср. *пять* — **нёть*), эти звуки являются реализациями разных фонем — /a/ и /o/. В то же время звук [a] находится в состоянии дополнительной дистрибуции как со звуком [ˈá], так и со звуком [ˈó], т. е. потенциально может входить в одну фонему и с тем, и с другим. Однако артикуляторно и акустически звук [á] «ближе» к звуку [ˈá], чем к звуку [ˈó], поэтому [á] и [ˈá] являются реализациями одной фонемы /a/, а [ˈó] и [ó] — аллофоны другой фонемы /o/.

Как видим, ПФШ при парадигматической идентификации фонем опирается на два критерия: один из них — критерий дополнительной дистрибуции — может рассматриваться как функциональный, поскольку исходит из различительной функции фонемы, а другой — критерий артикуляторно-акустического сходства — афункционален.

Опора на неопределенное и расплывчатое понятие звукового сходства является слабой стороной этой фонологической концепции.

Московская фонологическая школа

Переходя к изложению концепции МФШ, будем иметь в виду, что она занимает особое положение среди различных фонологических школ. Отличительная особенность МФШ заключается в том, что это направление открыто провозглашает принцип «один звук — две фонемы», т. е. предполагает, что два одинаковых звука (и с артикуляторно-акустической точки зрения и с точки зрения восприятия носителя языка) могут быть фонетическими реализациями двух разных фонем в зависимости от того, в какой морфеме представлены эти звуки. Другими словами, в этой концепции один и тот же звук может быть фонологически интерпретирован по-разному. Фактически в концепции МФШ конститутивная функция фонемы приобретает настолько самодовлеющий характер, что фонема полностью утрачивает свою самостоятельность в качестве единицы звукового строя и как бы растворяется в морфеме.

Проблема сегментации речевого потока на фонемы не входит в круг особых интересов МФШ и если затрагивается, то решается либо с использованием ассоциативного анализа (М. В. Панов), либо на основании артикуляторно-акустических характеристик звуков (П. С. Кузнецов). В последнем случае взгляды представителей МФШ находятся еще на дофонологическом этапе развития фонетики, так как сама фонология возникла в результате осознания того факта, что членимость речевого потока с артикуляторной и акустической точек зрения — иная, принципиально отличная от членения на фонемы, что акустика и физиология не могут решить проблему синтагматической идентификации фонем. Разумеется, в тех случаях когда звуковой комплекс расщепляется морфемной границей, МФШ принимает наличие и фонемной границы, но если, внутри аналогичного звукового комплекса не проходит морфемная граница, то представители МФШ принимают решения исходя, как правило, из артикуляторно-акустических соображений. Например, [s:] в слове *рассада* будет интерпретирован как бифонемное сочетание, а в слове *касса* может трактоваться как реализация фонемы /s:/; и тогда в системе фонем появится соответствующая долгая согласная фонема. Принцип аналогии, характерный в данном случае для Щербовской школы, в концепции МФШ не применяется.

При анализе принципов парадигматической идентификации аллофонов в МФШ мы столкнемся с другой особенностью: в этой фонологической концепции смешиваются или как бы сливаются в одну две различные задачи — установление состава фонем языка и определение фонемной принадлежности конкретного звука в высказывании, что несомненно связано с тем, что в МФШ фонема мыслится лишь как элемент морфемы. Все это надо иметь в виду, но если отвлечься от данной особенности, то, согласно концепции МФШ, фонема объединяет ряд позиционно чередующихся в морфеме звуков, причем один из них находится в сильной позиции — позиции максимального различения, другие в слабой. Состав фонем определяется по сильной позиции. Таким образом, в языке столько фонем, сколько их различается в сильной позиции. Например, корневая морфема *вод-* представляет следующий ряд чередующихся звуков [ó] : [л] : [ъ] (ср. *воду, вода, водной*); в морфеме *вал-* представлен другой ряд — [á] : [л] : [ъ] (ср. *вал, валы, валовой*). Каждый из этих рядов возглавляет звук, находящийся в сильной позиции: первый — [ó], второй — [á]. По МФШ в русском языке в сильной позиции различается 5 гласных, значит, 5 единиц и в системе фонем: <a>, <э>, <о>, <и>, <у>.

В отличие от других фонологических школ, в которых понятию фонемы как функциональной единицы языка противостоит понятие аллофона (или оттенка в Щербовской школе, или комбинаторного варианта в ПФШ) как модификации фонемы в речи, МФШ различает два типа модификаций фонем — вариации и варианты.

Вариации — это обусловленные позицией фонетические реализации фонемы, когда не происходит совпадения в одном звуке данной фонемы с какой-либо другой (по образному выражению основоположников МФШ это — «звуковые синонимы», у которых звучание разное, а фонологическая значимость одинаковая): например, разные модификации фонемы <a> — [á], [á̇], [á̇̇], [á̇̇̇] (ср. *мат, мать, мят, мять*) — обусловленные твердостью и мягкостью соседних согласных, будут вариациями фонемы <a>. Понятие вариации в известном смысле совпадает с понятием аллофона (или оттенка, или комбинаторного варианта) в других фонологических школах. Следует отметить, что при отождествлении вариаций с основным видом фонемы (т. е. при установлении их фонемной принадлежности) в МФШ затушевывается роль чередования и фактически часто используется критерий артикуляторно-акустического сходства.

Варианты — это такие позиционно обусловленные реализации фонемы, когда происходит совпадение в одном звуке данной фонемы с какой-либо другой («звуковые омонимы», у которых звучание одинаковое, а фонологическая значимость разная): например, [t] в слове *пруд* и материально «то же самое» [t] в слове *прут* будут вариантами разных фонем (в первом случае — фонемы <д>, во втором — <т>). Фонема в МФШ всегда обозначается по своему основному виду, т. е. такой разновидности фонемы, которая представлена в сильной позиции.

В соответствии с разграничением понятий основного вида, вариаций и вариантов фонемы некоторые представители МФШ различают четыре типа позиций: сигнификативно сильную — позицию различения фонем, перцептивно сильную — в которой выступает основной вид фонемы, перцептивно слабую — в которой появляется вариация (основного вида фонемы), и сигнификативно слабую — в которой появляется вариант (общий для двух фонем).

II. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОНЕМНОГО СОСТАВА ФРАЗЫ

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о том, как в каждой школе решается проблема установления фонемной принадлежности аллофона, когда уже известен фонемный состав языка. Отчасти мы были вынуждены коснуться этого вопроса при изложении концепции МФШ, так как в этой школе установление репертуара фонем языка и фонемная интерпретация звука в составе конкретной фразы осуществляются одновременно. В данном разделе более подробно остановимся на том, как различные фонологические направления трактуют звуки, находящиеся в так называемых слабых позициях.

Щербовская фонологическая школа

В соответствии с концепцией Щербовской школы каждая фонема, будучи самостоятельным членом фонологической системы, обладает собственным, только ей присущим набором оттенков (аллофонов). Из этого положения вытекает, что каждая фонема противопоставлена любой другой фонеме в любой позиции, в том числе и в слабой. Тем самым, хотя представители этой школы и используют термины сильная и слабая позиция, в частности, когда речь идет о чередованиях фонем в морфеме, в этой концепции понятия, обозначенные соот-

ветствующими терминами, не являются принципиально важными при определении фонемного состава фразы. Принадлежность оттенка в слабой позиции определяется так же, как и фонемная принадлежность оттенка в сильной позиции. Поскольку известен состав фонем, а значит, набор аллофонов каждой фонемы и набор характеризующих ее фонологически существенных признаков (дифференциальных признаков — ДП), необходимо лишь соотнести аллофон, относительно которого принимается решение, с системой и определить его принадлежность конкретной фонеме.

Например, известно (это, как мы видели, устанавливается в процессе парадигматической идентификации фонем), что фонема /а/ между твердыми согласными реализуется в аллофонах [а], [л] и [ъ]; следовательно, слово [скъвлгѡдѣщ'кл] *сковородочка* будет иметь фонемный состав /скавародачка/. В практическом плане всякое фонологическое решение такого рода в Щербовской школе так или иначе опирается на языковое сознание носителя языка и может быть верифицировано экспериментально. Поэтому в данной школе важным является решение вопроса о том, при помощи какого способа (соотнесение со звуками-эталоном, хранящимися в языковой памяти, или соотнесение с классификацией по дифференциальным признакам) сам носитель языка опознает фонемную принадлежность того или иного звука.

Представители Щербовской школы иногда говорят не о сильных и слабых позициях фонемы, а об ограничении в дистрибуции (употреблении) фонемы. Например, говорится о том, что в русском литературном языке звонкие согласные фонемы не употребляются в конце слова или что фонема /о/ не употребляется в безударной позиции. Часто подобные ограничения в дистрибуции бывают связаны с чередованиями фонем: /вада/ : /вот/ (*вода* — *вод*), /в'ол/ : /в'иду/ (*вел* — *веду*) и т. п. Таким образом, согласно концепции Щербовской школы, некоторые фонемы не употребляются в определенных позициях, но опознание, отождествление и противопоставление фонем (последнее — иногда лишь потенциально) сохраняется и в слабых позициях.

Пражская фонологическая школа

Согласно теории ПФШ, в слабой позиции происходит нейтрализация фонологической оппозиции. Понятие нейтрализации является одним из ключевых в этой концепции. Сущность нейтрализации заключается в том, что две фонемы, которые противопоставлены друг

другу в одной позиции (сильной), утрачивают это противопоставление в другой (слабой). Таким образом, в ПФШ слабая позиция — это позиция нейтрализации фонологической оппозиции. В позиции нейтрализации выступает особая фонологическая единица — архифонема, под которой понимается совокупность дифференциальных признаков (ДП), общих для двух фонем нейтрализуемой оппозиции. Система согласных фонем русского языка может быть описана как система оппозиций фонем. В соответствии с таким описанием, например, в фонологической системе русского языка существует оппозиция /t/ : /d/, причем фонема /t/ с точки зрения ДП характеризуется как переднеязычная, смычная, твердая и глухая, а фонема /d/ — как переднеязычная, смычная, твердая и звонкая, т. е. обе фонемы представляют собой как бы пучки соответствующих ДП и различаются только одним ДП — глухости–звонкости. Эта оппозиция нейтрализуемая: в слабой позиции — в конце слова — фонемы /t/ и /d/ перестают различаться и происходит нейтрализация. При этом в позиции нейтрализации выступает архифонема /T/, которая с точки зрения ДП характеризуется как переднеязычная, смычная и твердая (пучок из трех ДП вместо четырех у фонем /t/ и /d/), так как ДП глухости–звонкости не входит в архифонему /T/. Она как бы и не «глухая» и не «звонкая». Уровень фонем и уровень архифонем не равнозначны. В позиции нейтрализации архифонема оказывается представленной одним из членов (немаркированным) фонологической оппозиции. В приведенном примере архифонема /T/ представлена фонемой /t/. Таким образом, словоформы *кот* и *код* на архифонемном уровне могут быть обозначены как /koT/, а на фонемном — как /kot/.

Московская фонологическая школа

Согласно концепции МФШ, установить принадлежность звука, находящегося в слабой (особенно это относится к так называемой сигнификативно слабой) позиции, к той или иной фонеме невозможно без учета морфемы, в состав которой он входит.

Чтобы определить, вариантом какой фонемы является звук в слабой позиции, необходимо установить, с каким звуком в сильной позиции он чередуется в той же морфеме. Звук в слабой позиции представляет ту фонему, которая в данной морфеме выступает в сильной позиции (в частности в сигнификативно сильной позиции, где возможно различение фонем). Например, в слове *кот* звук [t] является вариантом

фонемы <т>, поскольку в сильной позиции в этой морфеме выступает в своем основном виде фонема <т> (ср. *кота*); в слове *код* тот же звук [t] — вариант фонемы <д>, так как в сильной позиции представлен основным вид фонемы <д> (ср. *кода*).

Итак, в сильной позиции выступает так называемый основной вид (основная разновидность, сильный вид) фонемы, в слабой — вариант фонемы. В тех же случаях, когда чередование в морфеме отсутствует и нельзя определить основной вид фонемы, с которым чередуется звук в слабой позиции выступает особая фонологическая единица — гиперфонема, которая представляет собой объединение двух и/или более фонем, оппозиция которых нейтрализуется. Это своего рода абсолютно слабая позиция. Например, в слове *стол* звук [s] в слабой позиции (перед глухим шумным согласным) не может быть приведен к основному виду фонемы (реализацией которой он являлся бы). Звук [s] в принципе может быть вариантом как фонемы <с>, так и фонемы <з>, а поскольку мы не можем установить его тождество ни с той, ни с другой фонемой, звук [s] в этой морфеме представляет гиперфонему <с/з> (или {с/з}). Соответственно слово *стол* может, быть записано в фонематической транскрипции МФШ как <с/зтол>, или <{с/з}тол>. Таким образом, звуковые оболочки слов и морфем состоят из последовательности фонем и гиперфонем.

Первоначально идея гиперфонемы заключалась в том, что звук в такой «непроверяемой», абсолютно слабой позиции является как бы представителем сразу двух фонем, которые не различаются в данной позиции, а вместо термина гиперфонема использовался термин группа фонем. Следует, однако, заметить, что в МФШ существует иная трактовка понятия гиперфонема, существенно отличающаяся от приведенной. Например, А. А. Реформатский (а вслед за ним В. А. Виноградов) различает внутри фонемного уровня два подуровня — гиперфонемный и собственно фонемный. На гиперфонемном подуровне нарушена индивидуальная различимость фонем, но сохраняется групповая: например, в безударных слогах происходят нейтрализации <а> ÷ <о> и <и> ÷ <э>, поэтому на гиперфонемном уровне в такой слабой позиции различаются три гиперфонемы <а/о>, <и/э> и <у> (последняя выступает на этом подуровне в качестве гиперфонемы). Согласно этой трактовке при переходе на фонемный подуровень гиперфонема в конкретной словоформе может быть «разрешимой» (когда по сильной позиции можно определить, какая фонема представляет

данную гиперфонему, т. е. достичь индивидуальной различимости фонем) и «неразрешимой» (когда в данной морфеме отсутствует чередование варианта с основным видом фонемы). Для такой трактовки характерно более широкое понимание гиперфонемы, так как под последней понимается фонологическая единица не только в морфологически изолированной позиции, но и в «проверяемой» слабой позиции. При таком подходе понятие гиперфонемы МФШ в известном смысле сближается с понятием архифонемы ПФШ.

МФШ: концепция Р. И. Аванесова

Особой разновидностью МФШ является фонологическая теория одного из ее основателей Р. И. Аванесова, который в 1950-х гг. отошел от ортодоксальной концепции МФШ. В теории Р. И. Аванесова звук — согласно его терминологии «кратчайшая звуковая единица» — находящийся в слабой позиции, рассматривается с двух сторон: во-первых, в качестве элемента звуковой оболочки словоформы; во-вторых, как элемент звуковой оболочки морфемы. Звуковая оболочка словоформы представляет собой последовательность сильных и слабых фонем: сильные фонемы выступают в сильных, слабые — в слабых позициях, причем на уровне словоформы слабые фонемы не сводимы к сильным, т. е. сильные и слабые фонемы на этом уровне равноправны.

Как сильная, так и слабая фонема могут выступать в своих вариантах, обусловленных позиционно. Так, в словоформе *вода* [vɔdá] кратчайшая звуковая единица [á] — вариант сильной фонемы <a> (другим вариантом той же сильной фонемы будет, например, [ˈá] в позиции после мягкого перед твердым), а [ɒ] является вариантом слабой фонемы |ɑ| (этот вариант представлен в позиции после твердого согласного, в позиции же после мягкого слабая фонема |ɑ| представлена вариантом [ɪ]: ср. *тяну* [tʲinú]). В словоформе *валы* [vɔlʲí] в первом слоге также представлена слабая фонема |ɑ|, эквивалентная слабой фонеме |ɑ| в словоформе *вода*, но не эквивалентная сильной фонеме <a> в той же словоформе.

Если же рассматривать звук, находящийся в слабой позиции, как элемент звуковой оболочки морфемы, то он входит в так называемый фонемный ряд, который представляет собой совокупность сильных и слабых фонем, чередующихся в данной морфеме. Например, сильные и слабые фонемы (или их варианты), представленные в первом

слоге словоформ *вод*, *вода*, *водяной*, на уровне морфемы объединяются в фонемный ряд <о> // [л] // [ъ], возглавляемый сильной фонемой. Как и в традиционной концепции МФШ, в систему фонем входят только сильные фонемы, возглавляющие фонемные ряды.

В концепции Р. И. Аванесова нет ответа на существенный вопрос: как отождествляются слабые фонемы разных словоформ, т. е. как устанавливается функциональное тождество, например, звуков, обозначаемых [л], в словоформах *вода* [vɫdá] и *волы* [vɫlí]? Таким образом, остается невыявленным собственно фонологический, функциональный статус так называемых слабых фонем.

III. ИЗ ИСТОРИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ

До возникновения теории фонемы существовало наивное представление, что каждый звук в его физической реальности и есть языковая единица. Фонология возникла тогда, когда эта иллюзия была разрушена. Таким образом, теория фонемы, или фонологическая теория, появилась в борьбе против физического представления о звуковых единицах языка. Поэтому, видимо, не может быть физических (или физикалистских) теорий фонемы.

Основоположником учения о фонеме следует считать И. А. Бодуэна де Куртенэ. Ему принадлежит открытие того, что фонема не идентична звуку, т. е. он первый противопоставил звук как физическую единицу и фонему как лингвистическую единицу, которую он, правда, трактовал как «психический эквивалент звука». Бодуэну де Куртенэ принадлежит знаменитое определение фонемы: «Фонема — единое представление, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука». Таким образом, по Бодуэну, звук — единица физическая, фонема — не физическая, а языковая. Однако понятие фонемы в трудах основоположника фонологии было определено в психологических терминах.

Следующим шагом в развитии теории фонемы было открытие так называемой «смыслоразличительной» функции фонемы. Этот шаг был сделан учеником Бодуэна — Л. В. Щербой. Идея различительной роли звуков стихийно осознавалась лингвистами и до него, однако определение фонемы с учетом «смыслоразличительной» функции впервые дал именно Щерба. Главное же заключалось в том, что Щерба, основываясь на различительной функции фонемы, противопоставил поня-

тия фонемы и оттенка. Собственно с этого противопоставления фонемы и оттенка (аллофона, комбинаторного варианта) и начинается фонология. Таким образом, Л. В. Щерба — первый фонолог в абсолютно современном понимании этого термина.

Пражская фонологическая школа

Пражский лингвистический кружок возник в 1926 г. по инициативе чешского лингвиста В. Матезиуса и русского слависта Р. О. Якобсона, работавшего тогда в Праге. В работе кружка принимали участие и другие отечественные лингвисты — Н. С. Трубецкой, преподававший тогда в Вене, и С. О. Карцевский, работавший в Женеве. Этот кружок, который и разработал фонологическую концепцию Пражской школы, существовал до начала второй мировой войны.

В центре лингвистических исследований членов Пражского лингвистического кружка в конце 20-х и 30-х гг. находилась фонологическая проблематика. Наиболее важными в этой области были работы Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, Б. Трнки, А. Мартине. Основополагающим трудом, в котором изложена фонологическая теория ПФШ, являются «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого, вышедшие в 1939 г. на немецком языке (русский перевод опубликован в 1960 г.) Следует отметить, однако, что полного сходства во взглядах на фонему в ПФШ все-таки не было.

Исходные положения, ПФШ следующие: (1) фонологическая система представляет собой систему фонологических оппозиций фонем, (2) каждая фонема обладает своими ДП, обусловленными оппозициями фонем. Именно ПФШ современная фонология обязана идеей о том, что фонема — это «пучок ДП». Идея «пучка» принадлежит Якобсону. Именно на него ссылается Трубецкой, определяя фонему как «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию». Ср. также определение: «Фонема ... набор тех одновременно действующих звуковых свойств, которые используются в данном языке для различения слов разного значения». Особенно характерно следующее рассуждение сторонников ПФШ: в парах типа *дом* : *том* различительными элементами не могут быть /d/ : /t/ — если говорить о минимальном различии, то им является здесь «звонкость : ∅», так как /d/ не только фонетически, но и фонологически состоит из архифонемы /T/ + признак «звонкости».

В известном смысле ПФШ, подобно МФШ (но с другой стороны — как бы изнутри фонемы), приходит к разрушению понятия фонемы как автономной единицы звукового строя. Если в центре внимания МФШ оказывается звуковая оболочка морфемы как последовательность фонем, то главным героем фонологической концепции ПФШ становится различительный признак как основной элемент фонемы.

Московская фонологическая школа

Истоки этой школы восходят ко второй половине 1920-х гг. С начала 1930-х гг. началось сотрудничество Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова с А. А. Реформатским, П. С. Кузнецовым и А. М. Сухотиным. В круг их научных интересов в первую очередь входили проблемы русской диалектологии, позднее — литературного языка, а также прикладной лингвистики — орфографии, алфавита, транскрипции. Особое внимание основоположников МФШ к вопросам диалектологии и орфографии многое объясняет в особенностях их фонологической теории.

Кратким изложением концепции МФШ была статья Аванесова и Сидорова «Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка» (1930 г.). Более полное изложение положений МФШ было дано в их же учебном пособии «Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология» (написано в конце 30-х гг., вышло в 1945 г.). Сидоров, Кузнецов и Реформатский и далее придерживались этой концепции, причем последний в 1970 г. выпустил книгу «Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия», в которой переизданы основные работы представителей МФШ. Существенный вклад в развитие и популяризацию идей МФШ в 1950–1970-е гг. внес М. В. Панов.

Один из основателей школы — Р. И. Аванесов — с начала 1950-х гг. начал пересматривать ряд положений МФШ. Возможно, это было связано с появлением в конце 1940-х гг. чрезвычайно глубокой и всесторонней критики концепции МФШ в трудах сторонника Щербовской школы А. Н. Гвоздева. Окончательно новая концепция Аванесова нашла отражение в работе 1956 г. «Фонетика современного русского литературного языка». Ортодоксально настроенные представители МФШ упрекали его в том, что он пошел навстречу школе Щербовской, однако сам Аванесов не принял этих упреков, поскольку, по его

мнению, все, что было разграничено в старой фонологической концепции, сохранено и в новой, но устранена двойственность в понимании фонемы. Фактически различия носят терминологический характер: ср.

Ортодоксальная МФШ

основной вид фонемы
вариант фонемы
фонема
вариация фонемы

Концепция Р. И. Аванесова

сильная фонема
слабая фонема
фонемный ряд
вариант фонемы

Представляется справедливым рассматривать концепцию Аванесова в рамках МФШ.

Интерпретация некоторых положений Щербовской фонологической школы в трудах представителей МФШ

1. Сторонники МФШ часто приписывают Л. В. Щербе и его школе понимание фонемы как звукотипа в духе английского фонетиста Д. Джоунза, определявшего фонему как класс или «семью звуков в данном языке, которые относительно по своему характеру и используются так, что ни один из членов никогда не встречается в том же фонетическом окружении, что и другой член». В частности, М. В. Панов пишет: «Есть теория фонем, созданная Л. В. Щербой («ленинградская») ... [согласно которой:] в одну фонему объединяются звуки, похожие друг на друга (акустически и артикуляционно), составляющие один тип» (Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 193). По Панову, получается, что теория фонемы Щербы в «фонологичности» даже не дотягивает до концепции Джоунза. Разумеется, положения Щербовской школы не имеют ничего общего с тем, что приписывает ей М. В. Панов. В подтверждение процитируем самого Щербу:

а) «В русском языке ... два оттенка *a* и два оттенка *i* в зависимости от качества следующего согласного, например, в словах *дан* и *дань*, *бит* и *бить*; но эти оттенки не способны самостоятельно дифференцировать слова — с точки зрения смысла они всегда тождественны; другими словами, в русском языке существует лишь одна фонема *a* и одна фонема *i*» («Русские гласные в качественном и количественном отношении», 1912 г.);

б) тождественность акустически и артикуляторно разных звуков, по Щербе, определяется коммуникацией, «то есть в конечном счете смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же ... Вот это общее и называется фонемой» («Фонетика французского языка», 1937 г.);

в) «... каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп» (Там же).

2. Представители МФШ приписывают открытие «смыслоразличительной» функции фонемы и введение ее в определение фонемы Бодуэну, от которого предпочитают вести свою «родословную», отказываясь признать приоритет Щербы, кстати, отмеченный в «Основах фонологии» Трубецкого и в его переписке с Якобсоном.

3. «Московские» фонологи любят говорить о близости концепций МФШ и ПФШ, противопоставляя их как «фонологические» Щербовской школе как «фонетической». Однако, как было показано выше, именно МФШ стоит особняком в фонологии, поскольку нет другой школы кроме МФШ, в теории которой противопоставлялись бы понятия «фонема» — «вариация» — «вариант». Противопоставление же понятий «фонема» — «аллофон» универсально и сближает между собой другие фонологические школы (несмотря на различие в трактовках и терминологии: «оттенок» в Щербовской школе, «комбинаторный вариант» — в Пражской). Что касается трактовки Щербовской фонологической школы как «фонетической» или «физикалистской», то это так же нелепо, как если бы кто-нибудь трактовал МФШ как «орфографическую».

4. Некоторые противники Щербовской школы (из числа адептов МФШ) указывают на ее «практическую беспомощность», великодушно признавая, что есть одна область, где концепция Щербовской фонологической школы работает — это техника связи. Тем не менее следует отметить, что в 1920–1930-е гг. при описании бесписьменных языков народов тогдашнего СССР, в том числе и с целью создания для них алфавитов, лингвисты опирались на открытую Щербой «смыслоразличительную» функцию фонемы. Что же касается, например, методики преподавания русского языка нерусским, фонологическая концепция Щербовской школы значительно более приемлема, чем громоздкая и не опирающаяся на учет языкового сознания носителя МФШ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При исследовании и описании звуковых систем конкретных языков и, в частности, русского языка, представители разных фонологических школ, руководствуясь различными принципами и методами фонологического анализа, приходят в конце концов к весьма сходным результатам. Этот факт объясняется тем, что рассмотренные фонологические концепции имеют между собой значительно больше общего, чем различного.

Например, мы видели, что при парадигматической идентификации фонемы все школы считают необходимым пользоваться понятием дополнительной дистрибуции. При этом все три школы признают недостаточность условия дополнительной дистрибуции для установления принадлежности двух аллофонов к одной фонеме. ПФШ прибегает в данном случае к дополнительному критерию артикуляторного и акустического сходства звуков, а МФШ и Щербовская школа — к критерию чередования в морфеме. При этом Щербовская школа последовательно придерживается принципа «один оттенок — одна фонема», в то время как МФШ допускает принцип «один вариант — разные фонемы» (сохраняя в то же время принцип «одна вариация — одна фонема»).

Некоторые расхождения в оценке состава фонем русского языка (например, известные споры о фонемах /ы/, /щ/, мягких заднеязычных) объясняются, как правило, не столько принципиальными расхождениями в фонологической теории, сколько тем или иным ограничением привлекаемого для решения этих спорных вопросов языкового материала, что тоже, конечно, так или иначе связано с особенностями фонологических школ.

В конечном итоге сходство фонологических концепций обусловлено тем, что все они имеют дело с некой объективной реальностью, все они пытаются, каждая по-своему, объяснить и описать эту объективную реальность — звуковой строй языка, основным элементом которого является фонема. Таким образом, фонема — это объективная (но не физическая!) реальность. Та или иная фонологическая теория дает определение понятия фонемы, но сама фонема как единица звукового строя конкретного языка, как элемент фонетической системы существует независимо от фонологической теории. Поэтому фонема была открыта, а не придумана лингвистами. Последние лишь придумывают определения фонемы.

Фонема относится к таким языковым единицам, сущность которых не раскрыта до конца и, вероятно, всегда будет предметом дискуссий. Дело в том, что фонема в отличие, например, от аллофона, это не только научное понятие, но языковая реальность, факт языковой действительности. Аллофон же — не языковая единица, а лингвистическое понятие, при помощи которого описывается физическая реальность. Аллофоны — это не кирпичики, из которых складываются фонемы, как можно было бы подумать, если исходить из логической последовательности процедур фонологического анализа. В этом отношении термин Щербы оттенок фонемы чрезвычайно удачен: аллофон — это как бы тень, отбрасываемая фонемой как элементом функциональной, непосредственно не наблюдаемой, структуры на физическую реальность. Другими словами, аллофон — это способ описания физической реальности, которая в фонологии трактуется как реализация или модификация фонемы. Понятие аллофона связывает фонему с физической реальностью. Таким образом, фонема — это объективная реальность, а аллофон реально не существует, это лишь научное понятие, изобретенное фонологами для описания физической реальности. Понятие аллофона понадобилось потому, что фонема и физическая реальность лежат в двух разных несовместимых плоскостях. Наведение мостов между этими несовместимыми плоскостями возможно, видимо, только при обращении к перцептивному аспекту фонетики. Это теоретический аспект проблемы, но есть и практический аспект: очень неудобно пользоваться осциллограммами и спектрограммами для демонстрации различий между реализациями фонемы в разных позиционных условиях, поэтому в качестве средства передачи физической реальности принято использовать значки так называемой «фонетической» (аллофонной) транскрипции, которая выполняет роль квазифизической реальности в фонологическом исследовании.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Возникновение теории фонемы

Бодуэн де Куртенэ И. А. 1) Фонема (1899 г.); 2) Фонология (1899 г.); 3) Опыт теории фонетических альтернатив (1895 г.); 4) Введение в языковедение (1917 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1, 2. М., 1963.

Щерба Л. В. 1) Субъективный и объективный метод в фонетике (1909 г.); 2) Русские гласные в качественном и количественном отношении (1912 г.); 3) Из лекций по фонетике (1917 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

II. Щербовская фонологическая школа

Щерба Л. В. 1) Фонетика французского языка (1937 г.); 2) Теория русского письма (1943 г.) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка (1949 г.) // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 1-е изд. Л., 1960; 2-е изд. М., 1979.

Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 1-е изд. М., 1975; 2-е изд. М., 1987.

Матусевич М. И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976.

Касевич В. Б. 1) Элементы общей лингвистики. М., 1977; 2) Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Бондарко Л. В. 1) Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981; 2) Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

III. Пражская фонологическая школа

Трубецкой Н. С. Основы фонологии (1939 г.). М., 1960.

Мартине А. Основы общей лингвистики (1960 г.) // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы (1960 г.). М., 1964.

Пражский лингвистический кружок. М., 1967 (статьи Й. Вахека, Л. Новака, В. Матезиуса, Н. С. Трубецкого).

IV. Московская фонологическая школа

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка (1945 г.) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 249–277.

Реформатский А. А. 1) Введение в языковедение (1947 г.). 4-е изд. М., 1967; 2) Из истории отечественной фонологии; Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии (1959 г.) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Исторический очерк. Хрестоматия. М., 1970. С. 470–480.

Панов М. В. 1) Русская фонетика. М., 1967; 2) Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Аванесов Р. И. 1) Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; 2) Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Установление состава фонем языка.....	4
Щербовская фонологическая школа	5
Пражская фонологическая школа	7
Московская фонологическая школа.....	9
II. Определение фонемного состава фразы	11
Щербовская фонологическая школа	11
Пражская фонологическая школа	12
Московская фонологическая школа.....	13
МФШ: концепция Р. И. Аванесова	15
III. Из истории фонологических школ	16
Пражская фонологическая школа	17
Московская фонологическая школа.....	18
Интерпретация некоторых положений Щербовской фонологической школы в трудах представителей МФШ	19
Заключение	21
Рекомендуемая литература	23